

Воспоминания о «Кузнецком празднике»

Музей Достоевского в Новокузнецке постоянно привлекает к себе внимание творческой интеллигентии Кузбасса. Писатели, поэты, художники не просто являются его посетителями. Свое творчество многие из них посвящают великому русскому писателю.

Кто бы объяснил смог, какими непредсказуемыми стежками — дорожками скрытно подбирается к дупе поэта, художника, писателя замысел будущего творения?

О новокузнецкой художнице Альбертине Федоровне Фомченко, которая во все обстоятельства покинула когда-то Палех, где училась и работала много лет, не раз писали наши областные газеты, телевидение показывало ее работы.

И вот Новокузнецкий музей Достоевского включил в свою экспозицию работу художницы Фомченко «Воспоминания об Исаевой».

Гляжу на бесхитростную, мазалась бы, композицию. На переднем плане — Федор Михайлович Достоевский. С окладистой бородой. 70-е годы прошлого века. Казалось Все, что было в Кузнецке, забыто. Померило «грозное чувство». Но так ли это? Вот они, воспоминания, нахлынули, волной накрыли. Там, позади, чуть поодаль, стоит знакомый бревенчатый домик, из небытия будто вновь «воздвигается» Одигитриевский храм, около которого стоит знакомый нам по фотографиям священник Евгений Тюменцев, венчавший писателя с Исаевой.

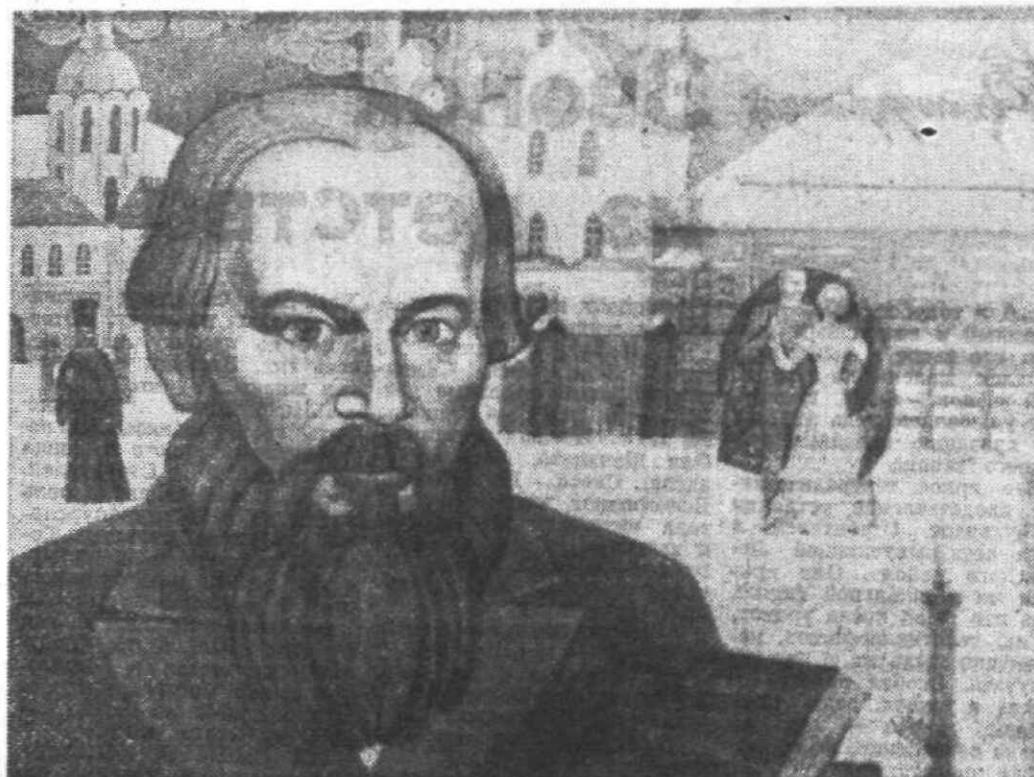
Воспоминания об Исаевой... Листая пятилетней давности рекомендательную справку, составленную по следам комиссии, в которой я участвовала, по перестройке экспозиции Новокузнецкого музея Достоевского. Помню, с каким теплом была эта записка оценена литературоведами столичных литературных музеев. И построена была та справка не на «Кузнецком празднике» Достоевского, а на воспоминании о нем. Но мне так казалось — все-таки чего-то глубинного все еще в ней не хватает. И вот сейчас, когда перед глазами работа А. Фомченко «Воспоминания об Исаевой», я уже точно знаю, каким хорошо бы увидеть, по крайней мере, один раздел музеиной экспозиции.

...Я вижу маленькие комнатки. Ситцевые занавески и домотканые половники. В прихожей — простейшие предметы обихода перекликются с осколками былого благополучия. На грубый стол местного изготовления, около беленоей печи, брошен изящный, но не первой свежести зонтик, плетеная кошелек, с которой Исаева ходила на рынок, соседствует с бисерным, искусно шитым, но потертым кошельком. В комнате на столе — полускрытая шкатулка, из которой выглядывает перевязанная лентой связка писем:

ма скромная рукодельная шкатулка. Ее приметы. Исаевой, которая уже отринута, заслонена образами, для которых послужила прототипом хотя бы импульсом. А на столе, гла- венствуя, КНИГИ: «Дядюшкин сон», «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание». Книги, в которых читаются отблески «грозного чувства».

Вот передо мной работа Фомченко «Воспоминания об Исаевой», и рука сама тянется к письмам — воспоминаниям писателя: «О

«грозного чувства» — Бранделю: «Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе, по ее страстному, мятельному и болезненно — фантастическому характеру, мы не могли перестать любить друг друга; даже более того, чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу...» В эту книгу не вошли загадочные строки, написанные Достоевским своей супруге Анне Григорьевне Сниткиной из Висбадена через семь лет после кончины Марии Дмитриевны: «К священнику не пойду ни за что, ни в каком случае.

разгадка. В книге, которую нарочно показывает на портрете писатель. В несостоявшемся венчании Рогожина, в терзаниях князя Мышина разгадка...

Венчание Достоевского с Исаевой состоялось, о чем свидетельствует документ «Обыск брачный № 17», в экспозиции музея. Доподобежали до анаоля статный офицер и хрупкая красавица в подвенечном платье. Потом же...

А потом в экспозиции такая бы эпиграф: отзвался «Кузнецкий праздник». И брошены веером карты на ломберный стол — страсти, затмевавшие «грозное чувство», уже роятся в дупле писателя. Скромный письменный стол. Это не стол маститого литератора, это условное место, где рождалась та будущая книга жизни, которую на портрете Фомченко словно предявляет потомкам писатель, себе в оправдание. Исаева не могла быть забыта. И пусть на этом столе, в самом краю — фотографии Исаевой, может, и ее весь-

другой, она любила меня беспредельно, и я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо» (из письма к другу Александру Егоровичу Бранделю вскоре после смерти Исаевой...) ...Пока же на картине — лишь предвзорье «Кузнецкого праздника». «Была эта женщина душой самой возвышенной и восторженной, сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу!»

А пока — обнять покрепче, укрыть плащом, скорее — в церковь, к венчанию, к завершению фабулы своих пока еще не написанных стольких романов... Но это все там, в сверкающих снегах бревенчатого Кузнецка, где тянутся к февральскому небу в сказочно-пуховых облаках шпиши сахарного, беленого Преображенского собора. Реальность же вот она — на переднем плане картины — лобастая голова, пронзительный, в пережитое вперенный взгляд. И книга. В нее вошли отчаянные признания писателя поверенному

М. КУШНИКОВА.